

Эта часть работы выложена в ознакомительных целях. Если вы хотите получить работу полностью, то приобретите ее воспользовавшись формой заказа на странице с готовой работой:

<https://stuservis.ru/diplomnaya-rabota/83974>

Тип работы: Дипломная работа

Предмет: История культуры

ВВЕДЕНИЕ.....	3
1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНА СМЕРТИ В ЛИТЕРАТУРЕ ЯПОНИИ.....	5
1.1. Феномен смерти и его восприятие в социуме и культуре.....	5
1.2. Танатологические мотивы в художественной литературе.....	18
1.3. Японские представления о смерти в культуре и мифологии.....	23
2. ОСОБЕННОСТИ ОТРАЖЕНИЯ ФЕНОМЕНА СМЕРТИ В ЛИТЕРАТУРНЫХ ПАМЯТНИКАХ ЯПОНИИ VIII-XX ВВ.....	27
2.1. Тематика смерти в древних памятниках японской литературы.....	27
2.2. Феномен смерти в памятниках классической литературы Японии.....	29
2.3. Феномен смерти в памятниках средневековой литературы Японии.....	34
2.4. Танатологические мотивы в новой японской литературе и литературе послевоенного периода.....	38
2.5. Отображение феномена смерти в современной литературе Японии.....	42
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	65
СПИСОК ЛИТЕРАТУРНЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	66

ВВЕДЕНИЕ

Эстетика красивой смерти проходит через всю японскую культуру. Самоубийства, совершенные из-за чувств, таких как любовь, скорбь и чувство долга, – прекрасны. Самоубийства совершаются японцами разного возраста и по разным причинам. Известные японские писатели такие как Акутагава Рюноске, Юкио Мисима, Такео Арисима, Ясунари Кавабата и многие другие, покончили жизнь самоубийством. Многие из них часто в своих произведениях использовали мотив самоубийства. В японском языке существуют собственные термины для каждого из видов самоубийства. Самым известным, но ныне не встречающимся способом самоубийства является сэппуку, так как он был запрещен еще в 1873 году. Сэппуку (яп. 切腹) является ритуальным самоубийством посредством вспарывания живота. Этот метод использовался японскими самураями, в тех случаях, когда была затронута честь и достоинство воина. Также оно демонстрировало верность своему даймё, военному феодалу. Совершая сэппуку, самураи демонстрировали свою стойкость и мужество перед лицом боли и смерти. Через сэппуку они показывали благородность души и чистоту своих помыслов как перед людьми, так и перед богами.

Актуальность данной работы заключается в том, что отношение к смерти в Японии в соответствии с распространенными религиями буддизма и синтоизма совершенно иное, нежели у западных культур, где основными религиями долгое время были различные течения христианства. Для современного представителя западной культуры, чтение японских литературных произведений может вызывать определенные трудности в восприятии. Для успешного изучения такого огромного культурного пласта, как японская литература, необходимо понимать роль, которую занимает понятие смерти в японской культуре и менталитете японского народа, основы и предпосылки формирования своеобразного и непонятного европейцу отношения к смерти в Японии. Поэтому феномен смерти в японской культуре заслуживает детального анализа, тем более, что в отечественной науке он освящен слабо. Тема смерти затрагивается в литературных памятниках Японии, таких, как «Исэ моногатари», «Непрошенная повесть» Нидзё, «101 Дзенская история», «Книга пяти колец», «Кодзики», «Наставления Такуана Сохо». Исследованием по данной теме занимались такие ученые как Дональд Ричи, Артур Кестлер, Ян Бурума, Морис Пинке. Тематика смерти поднималась писателем Юкио Мисима в его «Книге самурая», Камацу Сакё в своих рассказах и повестях, Инны Гене «Меч самурая». Теме смерти в Японской культуре посвятил свою диссертацию Мунипов Алексей Юрьевич и Бертова Анна Дмитриевна.

Цель работы - изучение особенностей феномена смерти в японской литературе. В соответствии с целью, объектом и предметом данного исследования были поставлены следующие задачи: изучить теоретический

материал по данной теме и рассмотреть специфические термины; проанализировать суть феномена смерти в различных исторических эпохах и его взаимосвязь с мировоззрением. Объектом исследования данной работы является феномен смерти в японской литературе, предметом исследования – литературные произведения Японских авторов, затрагивающие тему смерти.

В данной работе были применены такие методы исследования, как анализ, индукция, обобщение, наблюдение и сравнение, теоретической базой для исследования послужили литературные первоисточники и научные публикации по исследуемой теме отечественных и зарубежных авторов.

Данная дипломная работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературных источников. А первой главе рассмотрены теоретические аспекты исследования феномена смерти в литературе Японии, его восприятие в социуме и культуре, танатологические мотивы в художественной литературе и представления о смерти в культуре и мифологии Японии. Во второй главе рассмотрены особенности отражения феномена смерти в литературных памятниках Японии VIII-XX веков.

Объем дипломной работы составил 69 страниц.

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНА СМЕРТИ В ЛИТЕРАТУРЕ ЯПОНИИ

1.1. Феномен смерти и его восприятие в социуме и культуре

Тематика смерти в японской культуре всегда занимала ключевое место. Она охватывала практически все сферы жизни, начиная с мировоззрения и философии и заканчивая войной и любовными похождениями. Ключевое различие между японской и западной культурой, которое сложилось, в основном, под влиянием христианства, является отношение к смерти. В Западной культуре смерть человека представлялась как проявление волей Божьей, и любая попытка волеизъявления человека в этом вопросе считалась недопустимой и жестко пресекалась. Феномен явления смерти в японской культуре заключается в том, что это явление тесно переплеталось с повседневной жизнью и воспринималось не как что-то ужасающее, а как своеобразный переход в другую форму бытия и существования.

Страна восходящего солнца известна легкостью расставания с жизнью и душевным спокойствием, сопровождающим уход в мир иной.

Достаточно вспомнить о летчиках-камикадзе или самураях. Своеобразная философия смерти нашла отражение в народных мудростях и афоризмах великих японцев.

Самые яркие высказывания жителей страны о жизни и смерти.

1. "Все, что цветет, неизбежно увянет", - японская народная мудрость.

2. "Японцы - это люди, которые в основе своей повседневной жизни всегда осознают смерть", - писатель Мисима Юкио.

3. "Индивидуум - всегда жертва в единоборстве со смертью, а для абсолютной группы смерть всего лишь атрибут", - писатель Кобо Абэ.

4. "Кто хочет, в эту жизнь заходит, кто хочет, из нее выходит... В этом - главный плюс ограниченного взгляда на жизнь. Заходя, вытирайте ноги. Уходя, закрывайте дверь. Общие правила для гостей", - писатель Харуки Мураками.

5. "Кто родился под грохот канонады, тот не боится оружейных выстрелов", - народная мудрость.

6. "Мертвому безразлично, кремируют его или погребут", - Кобо Абэ.

7. "Тело - лишь одна из гипотез о том, что такое "я", - Харуки Мураками.

8. "Все живут по-разному, по-разному и умирают. Но это не имеет значения. После нас остается лишь пустыня. Пустыня и больше ничего", - Харуки Мураками.

9. "Только определив, что такое смерть, можно понять, что собой представляет жизнь", - режиссер Такеши Китано.

10. "Японский идеал смерти ясен и прост, и в этом смысле он отличается от отвратительной, ужасной смерти, какой она видится людям Запада", - Мисима Юкио.

11. "Хотелось бы родиться семь раз, чтобы отдать все жизни за Японию. Решившись умереть, я тверд духом. Ожидаю успеха и улыбаюсь, поднимаясь на борт...", - камикадзе Хуросэ Такео [2, с.26].

Поэтому даже связь, образовавшаяся в японском менталитете между любовью и смертью, не должна удивлять. Одним из наиболее ярких проявлений подобной связи, являются самоубийства влюбленных.

Возьмёмся за руки и вместе

Уйдём из этой жизни в ночь,

Долг отдадим любовной чести,

И этим сможем лишь помочь.

Синдзю — явление настолько яркое, что о его стоит исследовать поподробнее. Само слово, состоящее из двух иероглифов («сердце» и «середина»), буквально означает «внутри сердца» или «единство сердец». Уже из самой краткости японского слова в противоположность неуклюжим европейским конструкциям вроде «двойного самоубийства влюбленных» или «самоубийства по сговору» ясно, что японцы с этим трагическим явлением знакомы лучше и чувствуют себя с ним гораздо уютней [3, с.31].

Слово «синдзю» не всегда означало непременно смерть. В 1678 году был опубликован трактат «Большое зеркало Иродо», излагавший поведенческий кодекс служительниц Иродо, «Любовного пути». В Японии к морали относились серьезно, без нее не могло существовать ни одно сословие: у самураев — Бусидо, у куртизанок — Иродо. В трактате обозначены пять степеней синдзю, под каковым в XVII веке понимались «доказательства любви». К этому средству жрица любви должна была прибегнуть, чтобы продемонстрировать, до какой степени ее сердцу дорог возлюбленный. Первая ступень — татуировка. Далее по возрастающей степени следуют обрезание волос, написание любовной клятвы, обрезание ногтей и наивысшее из неистовств — отрезание мизинца. О самоубийстве в трактате ни слова. У средневекового писателя Ихары Сайкаку в первой истории знаменитого цикла «Пять женщин, предавшихся любви», описан сердцеед Сэдзюро, у которого в девятнадцать лет уже была собрана коллекция из нескольких тысяч клятв и целая шкатулка с обрезанными ногтями влюбленных девушек [5, с.126].

Новым грозным смыслом слово «синдзю» наполнилось на рубеже XVII и XVIII веков, когда в моду вошли спектакли Кабуки и театра марионеток о самоубийствах влюбленных, которые из-за жесткой социальной структурированности японского общества не могли соединиться и предпочитали расставанию смерть. В наследии Тикамацу Мондзаэмона, которого называют «японским Шекспиром», по меньшей мере, полтора десятка пьес, построенных на самоубийстве влюбленных. Подобно «Вертеру» в Европе, пьесы порождали новые самоубийства, и вскоре синдзю стало неотъемлемой частью японской традиции [5, с.131].

Синдзю не всегда становится финалом драмы страстей. Весьма распространенное явление — самоубийство молодых супругов, совершенное отнюдь не по романтическим мотивам. Но дело ведь не в страсти, дело в любви, а она не сводится к неистовству гормонов.

Настоящее синдзю встречается не так уж редко и в жизни, и в литературе, и в жизни литераторов. Подобные драмы вызывают у нас, живущих, волнение особого рода: тут одновременно и мороз по коже, и странное чувство гордости за человечество. Есть трогательная патетичность в попытке доказать, что любовь важнее смерти. И действительно, синдзю заслоняет смерть, словно бы отодвигает ее на второй план. Происходит победа Эроса над Танатосом, причем на его собственной территории и на доступном ему языке.

«Любовь с первого взгляда реже встречается в Японии, чем на Западе, частично из-за особенностей общественных отношений на Востоке, а частично из-за того, что много грустных моментов избегается ранним браком, устроенным родителями. С другой стороны, самоубийства от любви достаточно часты, однако их особенность в том, что они почти всегда двойные. Более того, в подавляющем большинстве случаев их следует считать результатом неверно выстроенных отношений. Тем не менее, есть исключения, выделяющиеся своей храбростью и честностью; обычно такое происходит в крестьянских районах. Любовь в такой трагедии может возникнуть совершенно внезапно из самых невинных и естественных отношений между мальчиком и девочкой, или может начаться еще в детстве жертв. Однако даже тогда сохраняется весьма определенная разница между западным двойным самоубийством из-за любви и японским дзёси. Восточное самоубийство не есть результат слепого, мгновенного решения избавиться от боли. Оно не только холодное и методичное, оно сакраментальное. Собственно, это — брак, свидетельством которого является - смерть. Они дают друг другу обет любви в присутствии богов, пишут прощальные письма и умирают» [6, с.11].

Никакой обет не может быть более глубоким и священным, чем этот. Поэтому, если случится, что посредством какого-то внезапного внешнего вмешательства, или усилиями медицины, один из них оказывается выхвачен из объятий смерти, он становится связанным самыми серьезными обязательствами любви и чести, требующими от него уйти из этой жизни при малейшей представившейся возможности. Разумеется, если спасают обоих, все может закончиться хорошо. Однако, лучше совершить любое жесточайшее преступление, караемое пятьюдесятью годами заключения, чем стать человеком, который, поклявшись умереть с девушкой, отправил ее в Светлую Землю одну. Женщину, уклонившуюся от исполнения своей клятвы, могут частично простить, однако мужчина, выживший в дзёси из-за внешнего вмешательства и позволивший себе продолжить жить далее, не повторяя попытки, до конца своих дней будет считаться предателем, убийцей, животным трусом и позором для всей человеческой природы».

Эпидемия парных самоубийств влюбленных распространилась в Японии во второй половине 17 века. К 1703

г. был составлен целый свод таких самоубийств с указанием имен, возраста и других подробностей. Считается, что ввел в литературный обиход новое слово для обозначения добровольной смерти любовников - слово "синдзю", - новеллист Ихара Сайкаку (1642-1693), целый ряд эротических повестей которого кончаются самоубийством влюбленных. "Синдзю" первоначально имело значение "верность в любви" и являлось жаргонным словечком публичных домов. Сайкаку, а позднее великий драматург Мондзаэмон Тикамацу (1653-1725) дали этому слову возвышенный смысл: "верность даже в смерти". "Синдзю" стало означать то же, что и старое поэтическое слово "дзёси" ("смерть во имя любви") [4, с.58].

Они убегали, глубокой ночью, прочь из города как можно дальше от людей. Многие из них выбирали в качестве последнего убежища старинные полу заброшенные храмы. Здесь двое прощались друг с другом, и на рассвете под первые удары колоколов мужчина, лишив жизни женщину, убивал себя. Иные же пары, не разрывая объятий, бросались в воду с моста или даже в кратер вулкана.

В апреле 1703 года в городе Осака совершили двойное самоубийство (синдзю) приказчик Токубэй и куртизанка О-Хацу. Услышав историю их жизни и смерти, писатель Тикамацу Мондзаэмон, которому еще только предстояло стать известнейшим драматургом Японии, направился домой, чтобы начать работу над новой пьесой. Всего через 32 дня состоялась премьера кукольного спектакля «Самоубийство влюбленных в Сонэдзаки», в котором персонажи носили имена прототипов. Пьеса имела сенсационный успех и спровоцировала целую волну двойных самоубийств. Тикамацу еще не раз в своем творчестве обращался к этой теме. Самая знаменитая из его работ (и, возможно, самая популярная японская пьеса всех времен) — «Самоубийство влюбленных на Острове Небесных Сетей» — была написана два десятка лет спустя и, в свою очередь, основана на реальных событиях. Имена героев вновь не были изменены: синдзю, в любом случае, становились известны всему городу, повсеместно обсуждались и вызывали неизменное восхищение. Впоследствии правительство запретило произведения Тикамацу: парные самоубийства были распространены и прежде, но теперь превратились в настоящую моду и культ [9, с.23].

На Западе Тикамацу называют «японским Шекспиром». В Вероне совершаются паломничества к могиле Джульетты, в Осаке — к надгробиям влюбленных, воспетых Тикамацу.

Однако новое поветрие имело некоторые новые черты. Оно развилось в мещанской, а не аристократической среде. Теперь эта новая любовь кончалась не охлаждением и прекращением встреч (как описано в эталонной хэянской литературе), а самоубийством влюбленных в самый разгар их чувств. Влюбленная пара умирает, ибо силою обстоятельств не может соединиться брачными узами в этом мире. Тогда она переносит свою любовь в иной мир в экстатической надежде возродиться в новых рождениях мужем и женою. Совершая тем самым как бы жертвоприношение на алтарь вечности.

В чем причина такой популярности двойных самоубийств и той легкости, с которой японские влюбленные шли на смерть? Не будет преувеличением сказать, что в японской культуре самоубийство всегда играло несравненно большую роль, чем в любой другой. Более того, Япония — единственная страна, где суицид был — при определенных обстоятельствах — нормой, не противоречащей законам общества. Ни одно из японских вероучений не запрещает акт добровольного ухода из мира людей. Так, например, в буддизме каждая жизнь понимается лишь как звено в длинной цепи реинкарнации. Покончить с собой значило для японского приверженца данной религии - отправиться навстречу новому рождению, возможно, несравненно более счастливому, чем прежней. Синдзю никогда не расценивалось как уход в небытие. Умирая вместе, влюбленные надеялись на то, что будут счастливы друг с другом в следующих жизнях. Самоубийство, таким образом, становилось своего рода заключением брака. Брак на пороге вечности, ибо, сколько бы миров и реинкарнаций не предстояло пройти влюбленным, синдзю было знаком того, что двое готовы разделить друг с другом всё до конца.

В загробном мире наши две души
Сольются в странствии одном.

И в ад
И в рай
Войдем мы вместе, неразлучно!
Наши тела — вернутся в небытие. Но наши души останутся нетленными и пройдут сквозь пять рождений...
сквозь семь рождений... в вечность[11, с.45].

Синдзю возникает в XVII веке; как мода оно существует на протяжении полусотни лет, в конце XVII — начале XVIII веков. Именно тогда — во времена жизни и творчества драматурга Тикамацу — самоубийства влюбленных пар уносят, как пишут в хрониках, столько же жизней, сколько и болезни... Публикуются новые и новые списки имен любовников синдзю, описания обстоятельств их жизни и смерти. Постепенно мода сходит на нет, но традиция сохраняется и поныне. Один из известнейших японских

писателей XX века - Осаму Дадзай, написавший книгу о двойных самоубийствах у различных народов, пытался совершить синдзю несколько раз и лишь с четвертой (!) попытки достиг вместе с очередной партнершей своей цели - утопился с возлюбленной. Первая большая актриса театра современной драмы Сумако Мацуи покончила с собой после смерти любимого человека [11, с.77].

Впрочем, образ ухода из жестокой жизни в Лучшее Иное, ухода об руку с любимой известен в японском искусстве отнюдь не несколько столетий... Почти за тысячу лет до Тикамацу один из японских поэтов писал:

Страны, где б ни было совсем людей,
Такой страны ужели нет на свете?

Чтобы уйти туда

С любимую моей

И с ней наедине забыть страданья эти!

Разумеется, такая страна существовала. И влюбленные молились о том, чтобы, пройдя все отмеренные им воплощения, родиться, наконец, на Чистой Земле (буддийском Раю) «в одном цветке лотоса»:

«Смерть легче, чем позор! Умрем вдвоем!» —

Так он сказал.

«Умрем! — я обещала. —

Такая жизнь постыдна».

И теперь

Смерть — наш неотвратимый долг. (Тикамацу Мондзаэмон) [14, с.112]

Японскому самоубийце не свойственно чувство вины перед Богом. Но как же ответственность перед обществом, которой полностью подчинена жизнь человека на Востоке? Здесь феномен самоубийства приводит нас к интереснейшему парадоксу.

Нигилизм — явление западное, Востоку он чужд. «Самоубийство по-японски» никоим образом не отрицает ни ценность жизни, ни правоту общества, ни справедливость законов и традиций. Любовники совершали синдзю тогда, когда не могли быть счастливы вопреки обществу: вопреки социальному статусу, семейному положению, материальному состоянию и т. п.

Синдзю - не протест, а искупительная жертва, приносимая людьми во имя того, чтобы быть вместе, несмотря ни на что, чтобы быть счастливыми, пусть и не в этой жизни. Моральный выкуп. Плата за собственную честь, за сохраненное лицо.

Итак, мы видим, что, с одной стороны, на Востоке важен не человек, а общество, с другой — японская культура оставляет за личностью право выбора, право на собственную, индивидуальную Истину, право на... правоту. Пусть и «покупаемую» ценой жизни. Самурай имел право убить себя, если приказ господина шел вразрез с его собственной моралью. Двое любящих людей могли соединиться в смерти, если общество не позволяло им сделать этого в жизни. Признавая за человеком право на смерть, а точнее на самоубийство, Восток объединял несовместимое: правоту общества и правоту каждой отдельной личности [13, с.77]

1. Бадаев Е. В. Формирование культурно-исторической концепции Н. И. Конрада: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2008. 34 с.
2. Восточная литература: средневековые исторические источники Востока и Запада. URL: <http://www.vostlit.info/> (дата обращения: 29.10.2015).
3. Все о Японии (подарочное издание). - М.: Профит Стайл, 2008. - 608 с.
4. Дадзай Осаму. «Исповедь “неполноценного” человека» / перевод с японского В.Скальника. - М., 2001.
5. Генкель, Г. Г. Грезы и думы Востока / Г.Г. Генкель. - М.: Издательство П. П. Сойкина, 2004. - 646 с.
6. Джон Натан. Мисима: Биография / перевод с англ. М.Абушика. - СПб.: Азбука-классика, 2006.
7. Завьялова Дарья. Осаму Дадзай. Режим доступа: <https://cirkul.info/article/osamu-dadzai> (дата обращения: 06.12.19)
8. Идзава Мотохико. Гякусэцу но нихон си. Т. 3. Кодай котодама хэн. (Парадоксальная история Японии. Т. 3. Древние котодама). Токио, 2002.
9. История Японии 1945-1975. - М.: Наука, 1978. - 542 с.
10. Исэ моногатари / перев., ст. и прим. Н. И. Конрада; отв. ред. И. С. Брагинский. М., 1979. 287 с.
11. Иойрыш, А. И. Хиросима. Сорок лет спустя / А.И. Иойрыш. - М.: Издательство политической литературы, 1985. - 120 с.
12. История и культура традиционной Японии. Книга 2. - М.: РГГУ, 2011. - 484 с.

13. Кожурина Елена. Дело чести: харакири и современное японское общество. Режим доступа: <https://batenka.ru/resource/suicide/seppuku/> (дата обращения: 05.12.19)
14. Кокуси дайджитэн. (Большой словарь истории Японии). Токио, 1984. Т. 2.
15. Конрад Н. И. Избранные труды: История. М.: Наука, 1974. 471 с.
16. Конрад Н. И. Избранные труды: Литература и театр. М.: Наука, 1978. 462 с.
17. Конрад Н.И. Очерк истории культуры средневековой Японии. М.: Искусство, 1980. 143 с.
18. Конрад Н.И. Японская литература: От «Кодзики» до Токутоми. М.: Восточная литература, 1974 -567 с.
19. Кошкин, А. А. "Кантокуэн" - "Барбаросса" по-японски. Почему Япония не напала на СССР / А.А. Кошкин. - М.: Вече, 2011. - 400 с.
20. Кошкин, Анатолий Россия и Япония. Узлы противоречий / Анатолий Кошкин. - М.: Вече, 2010. - 496 с.
21. Мараини, Фоско Япония. Образы и традиции / Фоско Мараини. - М.: Планета, 1980. - 200 с.
22. Маслов, Алексей Александрович Бусидо. Кодекс чести самурая / Маслов Алексей Александрович. - М.: Феникс, 2010. - 358 с.
23. Митфорд, Алджернон Легенды о самураях. Традиции Старой Японии / Алджернон Митфорд. - М.: Центрполиграф, 2010. - 416 с.
24. Нихон сёки (Анналы Японии). СПб., 1997. Т. 2.
25. Очерки новой истории Японии. - М.: Издательство Восточной литературы, 2018. - 608 с.
26. Панов, Александр Николаевич О Японии. Очерки и исследования дипломата / Панов Александр Николаевич. - М.: Олма Медиа Групп, 2014. - 809 с.
27. Пасков, С. С. Япония в раннее Средневековье. VII-XII века. Исторические очерки / С.С. Пасков. - М.: Либроком, 2012. - 200 с.
28. Роботова А.С. Проблема гуманитарного смысла современных лекционных занятий в высшей школе // Человек и образование. 2007. № 10-11. С. 49-55.
29. Смирнова Н.В. Инновации в изучении средневековья на Востоке: философия и литература в университетском курсе ИСАА // Евразийский союз ученых: ежемес. науч. журн. 2014. № 5. С. 170-171.
30. Спальвин Е.Г. Конфуцианские идеи в этическом учении японского народа: Речь, произнесенная на торжественном акте по случаю празднования десятилетия Восточного института 21-го октября 1909 года. Владивосток, 1913.
31. Томомацу Энтай. Воззрения японцев на смерть // М. П. Григорьев. Лик Японии. Переводы и эссе. М.: Издание Института буддизма, 1997. С. 256—257.
32. Умэхара Такаёси. Какусарэта дзюдзика. Хорюдзирон. (Спрятанный крест: дискуссия о храме Хо-рюдзи). Токио, 1972.
33. Цветов, В. Мафия по-японски / В. Цветов. - М.: Издательство политической литературы, 1985. - 859 с.
34. Цветов, В. Я. Черная магия Мацуситы: моногр. / В.Я. Цветов. - М.: Издательство политической литературы, 1975. - 872 с.
35. Чхартишвили Григорий. Писатель и самоубийство / И.Е. Богат. — 2 изд.. — М.: Захаров, 2008.
36. Эйдус, Х. Т. Послевоенная Япония / Х.Т. Эйдус. - Москва: Огни, 2016. - 655 с.
37. Эрнест, фон Гессе-Вартег Япония и японцы. Жизнь, нравы и обычаи современной Японии / Эрнест фон Гессе-Вартег. - М.: Издание А. Ф. Девриена, 1987. - 312 с.
38. Юкио Мисима. Малое собрание сочинений / перевод с яп. Г. Чхартишвили. - Спб/: Азбука-Аттикус, 2017.
39. Японские самурайские сказания / перев. В.Н. Горегляда. СПб.: Северо-Запад Пресс, 2002. 688 с.
40. Янагида, Кэндзюро 10 лет по пути материализма / Кэндзюро Янагида. - М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1985. - 184 с.
41. Япония 1978. Ежегодник. - Москва: СПб. [и др.] : Питер, 1978. - 326 с.
42. Япония 1984. Ежегодник. - Москва: Гостехиздат, 1985. - 344 с
43. Япония 1985. Ежегодник. - М.: Главная редакция восточной литературы издательства "Наука", 1986. - 336 с
44. Mitford's Japan. Memoirs and Recollections 1866—1906. Edited and Introduced by Hugh Cortazzi. Japan Library, 2002. P. 85—87.
45. Japan's Longest Day. Tokyo, 1981.
46. Inazo N. Bushido. The Soul of Japan. Rutland. Tokyo, 1980, с. 160-161.
47. Shiroyama S. War Criminal. The Life and Death of Hirota Koki. Tokyo, 1978, с. 79.Spotlight. 1985, April.
48. Mitford's Japan. Memoirs and Recollections 1866—1906. Edited and Introduced by Hugh Cortazzi. Japan Library, 2002. - p.85—87.
49. Public Spheres, Private Lives in Modern Japan 1600-1950: Essays in Honor of Albert Craig. - М.: Harvard

University Asia Center, 2005. - 432 с.

Эта часть работы выложена в ознакомительных целях. Если вы хотите получить работу полностью, то приобретите ее воспользовавшись формой заказа на странице с готовой работой:

<https://stuservis.ru/diplomnaya-rabota/83974>